

Кемпф Фредерик
(очень красивый)

26.01.05.

Культура. — 2005. — 20-26 янв. — с. 13

Страсть к парадоксам

В БЗК дал концерт
английский пианист Фредерик Кемпф

Буквально «выстрадав» свою любовь к Кемпфу на XI Конкурсе Чайковского, столичная публика с тех пор встречает его как родного. Признаться, все эти годы охватывал страх: не перестараться бы с восторгами, уж больно мы это любим. Ну играет Фредерик романтиков — замечательно, тонко, и все-таки... Вдруг не обошлось без обаяния пианиста? Хорошей внешности, печальной улыбки, той же эффектно взлетающей челки?! Ведь промахнулись же мы в итоге с Клиберном... Что будет, когда краски юности поблекнут? Или когда Кемпф возьмется за иной, неромантический репертуар?

И вот в рамках Фестиваля искусств «Русская зима» пианист представил с сонатами Бетховена. Да не просто с сонатами, а с «нечеловеческой музыкой»: «Патетической», «Лунной» и «Аппassionатой». Что ж, плох тот артист, что не мечтает о Гамлете...

...Гамлет заинтересовал буквально с первого выхода. Вместо привычного оглушающего вступительного аккорда «Патетической» — сухой сабельный удар. Вместо героической борьбы в главной партии — жестокий, «стальной скок», без труда подминающий под себя «исполненную мольбу» (согласно учебникам) побочную тему. Долгие, против правил, паузы между разделами формы, как будто исполнитель и сам в растерянности: что же будет дальше?... Никакого ноктюрна и разных там «любований» в медленной части: предельно аскетичные аккорды, на фоне которых вдруг пронзительно «взывают» отдельные фразы верхнего голоса.

Необыкновенно интимно прозвучала

первая часть «Лунной». Ни набата, ни вселенской скорби, только «одиноким голосом человека»... Почти физическая боль от малых и уменьшенных интервалов правой руки, материализовавшаяся затем в лавинообразный, катастрофичный финал. Темп взвинчен до предела, пассажи — молниеносно проносящиеся стрелы, где главное не полет, а поражение цели. И уж вовсе страшную точку в этой далеко не оптимистической концепции поставила «Аппassionата», которую Кемпф закончил настоящей пляской смерти.

Взрыв оваций — и бисы как эпилог сыгранного. Проникновенная эпитафия (Девятнадцатый этюд Шопена), напоминание о пережитом (лирично и вместе с тем непривычно жестко прозвучавшая соль-минорная баллада Шопена) и, наконец, повисший в воздухе вопрос («Warum?» Шумана).

Действительно, «warum»? Почему так захватило выступление Кемпфа? Теперь ясно, что дело не в обаянии и не в чарах юности. Просто (перефразируя известный фильм) пианист родился! Личность. «В нашу эпоху единственное, что может сделать исполнитель, — это найти новую точку зрения. Он должен или заново сочинить музыкальное произведение, или найти себе другое занятие» — это Глен Булд. Да вот только не торопятся искать себе новое занятие пианисты с великолепной техникой, шикарным, проникающим аж до печенок звуком... и до боли предсказуемой интерпретацией.

А у Кемпфа как раз роскошно звука-то и нет. Но если собеседник поверяет вам что-то бесконечно личное, важное, новое, какое вам дело до переливов его тембра? И

напротив, многого ли стоит красивый голос, сотрясающий воздух банальностями? За фортепиано Кемпф говорит интереснейшие вещи, и его звук окрашен смыслом призрачного.

Что до техники, то английскому пианисту, наверное, не помешало бы ее усовершенствовать. Увы, случались непопадания, и достаточно серьезные. Но и тут кроется парадокс. Вот дал иному Господь огромные природные возможности — казалось бы, думай теперь собственно о музыке, о том, что ты хочешь в ней сказать. Но почему-то часто именно такие, одаренные виртуозностью пианисты только ею одной и живут, одолеваемые тяжелой формой нарциссизма... Так, может, Бог с ней, с этой усыпляющей бдительность врожденной техникой? Пусть будет приобретенная. Во всяком случае, верится, что у Кемпфа так и произойдет. Сумел же он за эти годы «нарастить» свою личность, из обаятельного романтика все более становясь мыслящим пианистом-универсалом. Скажу больше: пианистом нового поколения, одержимого страстью к парадоксам, необузданного и рассудочного одновременно.

Разумеется, предложенные на концерте интерпретации можно еще оттачивать и оттачивать. А кто-то с ними, вероятно, и вовсе не согласится. Ясно одно: во главу угла своей артистической карьеры Фредерик Кемпф поставил известный тезис «Я мыслю — значит существую». Не самый простой, но, по-видимому, для артиста единственно правильный путь.

Татьяна СИДОРОВА